

Анна Андреевна Лазарева,
канд., филол. наук, Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)

В ПОИСКАХ ФОРМУЛЫ НЕУЛОВИМОГО: КАК СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ РАССКАЗЫ О СНАХ?

В марте 2020 г. была начата моя работа над проектом «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)», который реализуется совместно со студентами Центра социальной антропологии РГГУ при финансовой поддержке университета (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»). Актуальность создания указателя фольклорных рассказов о снах¹ обусловлена накоплением огромного массива записей этих текстов. Так, за последние пять лет вышли две монографии, включающие большие подборки нарративов о сновидениях [15; 19], были защищены диссертации, написанные в рамках фольклористики, в которых также приводится значительное число полевых записей, сделанных авторами [1; 7; 16].

Попытки систематизировать и инвентаризировать рассказы о снах предпринимаются исследователями довольно давно. Указатель фольклорных сюжетов снов приводится в диссертации Е. Ю. Живицы [5. С. 57–61]. При этом, рассматривая рассказы о сновидениях как разновидность быличек [5. С. 35–46], исследовательница создает его по образцу указателей сказочной прозы. По аналогии с указателями быличек указатель Е. Ю. Живицы членится на разделы в соответствии с персонажами, в качестве которых выбраны «реальный персонаж» (сновидец и знакомые ему люди), «символические персонажи» (среди которых «женщина, баба», «покойник») и «животные». Внутри каждого раздела даны списки действий (характеристик) этих персонажей. Например, «бабы машут платками», «покойник уводит с собой», «корова отелилась двумя телятами», «реальный персонаж голый». В итоге мотивы вещей снов искусственно подгоняются под схему «персонаж + действие/свойство», что приводит к весьма натянутым конструкциям (ср., например, мотив «животное бездействует» [5. С. 60], вычлененный из рассказов, в которых значимы не «действия» животного, а другие детали сюжета).

Важно, что персонажи быличек обладают устойчивым набором характеристик и функций (это позволяет сгруппировать сюжеты быличек по персонажам), тогда как персонажи снов чрезвычайно разнообразны. По-

мимо общих категорий — например, люди, животные, мифические существа (в данном случае я привела классификацию, сделанную психологами К. Холлом и Р. Ван де Кастром [20. С. 13–15], которая, как мы видим, существенно не отличается от предложенной Е. Ю. Живицей) — невозможно выделить какой-либо круг действующих лиц, отталкиваясь от которого мы могли бы систематизировать все рассказы о пророческих снах. Отсутствие системы персонажей иллюстрируется условностью их выделения в указателе Живицы. Например, в нем есть подраздел «женщина, баба». Однако женские образы вещей сновидений не имеют таких общих черт, которые позволили бы говорить об определенном персонаже — «женщине» (как, например, в случае с ведьмой или русалкой в быличках).

В качестве исключения можно назвать иномирных персонажей снов (покойников, святых и т.д.). Тексты, сюжетообразующим мотивом которых является мотив контакта с представителем инобытия, или иномирные сновидения, как их обозначил Е. В. Сафронов [15. С. 97], очень близки к мифологическим рассказам. Например, сюжеты снов об умерших часто дублируют былички о явлении ходячих покойников, с той лишь разницей, что речь идет о происходящем во сне. Это позволило исследователю выделить такие нарративы в особую группу (как и в случае с быличками — по персонажам) и систематизировать в соответствии принципами описания сказочной прозы: основное внимание при анализе сюжета уделяется взаимодействию иномирного персонажа с героем (сновидцем) [15. С. 97–154]. При этом нарративы о случившихся сновидениях, в которых иномирный персонаж отсутствует, публикуемые в особом разделе, посвященном «собственно вещим» снам [15. С. 478–498], не подвергаются аналогичному анализу и систематизации. Вполне очевидно, что к ним необходим иной подход.

Когда перечень персонажей в указателе Е. Ю. Живицы оказался исчерпан, исследовательница создает раздел «Природные и материальные объекты», где в качестве «мотивов» перечисляет вырванные из контекста образы (например, «вихрь», «холм», «земля», «копны сена», «картошка», «церковь»). Отсутствии единых критериев описания мотивов еще раз наглядно иллюстрирует

невозможность систематизировать все рассказы о снах по выработанной для быличек схеме.

Идея создать что-то вроде предметного указателя к корпусу нарративов о вещих снах прослеживается в работах и других исследователей. Так, Г. И. Берестнев предлагал разработать «новый корпусный словарь сновидений», который задумывался как некая база нарративов о пророческих снах, включающая указатель символов, фигурирующих в приведенных в ней текстах (таких как «рай», «ребенка иметь», «река», «родители») [3]. Украинские исследовательницы Т. М. Шевчук и Я. В. Ставицкая публикуют в конце своей книги, содержащей обширный корпус архивных записей рассказов о пророческих сновидениях, «указатель знаков-символов (предметов, персонажей, действий)» [19. С. 212–222]. Знаки-символы, подавляющее большинство которых — имена существительные (например, *шмель, колокола, дерево*), приводятся авторами в алфавитном порядке. Подобные указатели, безусловно, позволяют лучше ориентироваться в опубликованных материалах, однако не дают возможности понять, как устроены эти тексты. Вполне очевидно, что рассказ о пророческом сновидении — это в большинстве случаев полноценный, развернутый нарратив, имеющий определенную структуру и внутреннюю логику. Описание и систематизацию таких сюжетов неверно низводить до словника.

Если исходить из постулата, что рассказы о сновидениях справедливо рассматривать как особый жанр [15. С. 67–97], можно заключить, что использование принципов, разработанных для систематизации иных жанровых форм, приводит к неполному представлению текстов, многие из которых не включаются в указатель или загоняются в несвойственные им схемы. Как было отмечено Х. Ясон, для новых жанров необходимо разрабатывать новые схемы описания [23. С. 83].

Но возможно ли создать такой указатель? Ведь потенциально любой сон может быть расценен как «вещий», что говорит об огромном разнообразии их сюжетов. Граница между фольклорными и всеми остальными повествованиями о снах фактически отсутствует [15. С. 63–82; 13. С. 48–50]. Порой кажется, что систематизировать сюжеты сновидений — это все равно что искать формулу чего-то неуловимого, того, что не поддается формализации. Иными словами, при создании указателя рассказов о сновидениях возникают проблемы, которые отсутствуют или стоят менее остро при аналогичной работе с текстами других жанров. Перечислю те трудности, которые, на мой взгляд, являются ключевыми.

Проблема выделения фольклорных мотивов. Как правило, мы имеем дело

с личными нарративами о снах, находящимися в процессе фольклоризации. Соответственно наряду с фольклорными мотивами они содержат индивидуальные детали сюжета, которые сократятся, отшлифуются, если история о сбывшемся сне будет в дальнейшем пересказываться или передаваться из уст в уста. Как же тогда выделить именно фольклорные мотивы? На первый взгляд, если мы имеем подборку рассказов о снах, в сюжете которых присутствует определенный мотив, значит, этот мотив является фольклорным. Однако повторяющиеся сюжеты и мотивы снов изучают не только фольклористы, но и психологи, обозначая их термином *typical dreams*. Психологи определяют *typical dreams* как сюжеты снов, повторяющиеся в тождественной форме у многих людей: «...ни одно сновидение не дублирует другое в точности, однако в случае с типичными сновидениями сходство сюжетов, как правило, превалирует над их различиями, за счет чего возникает впечатление, что сны одинаковы» [22. С. 1173–1174]. Сюжеты «типичных снов» фиксируются среди представителей разных культур [22. С. 1176], другими словами, их повторяемость не связана с культурными моделями осмысления и описания снов.

Здесь важно сразу оговорить, что «типичные сны» могут иметь фольклорные интерпретации. Так, мотив выпадения зуба во сне, входящий в перечень *typical dreams* («your teeth falling out / losing your teeth» [26. С. 488, № 18]), характерен как для устных снотолкований («зубы во сне выпадают к смерти»), так и для рассказов о вещих сновидениях [8. С. 163–164]. «Типичный сон» о видении умерших людей живыми («a person now dead being alive» [26. С. 488, № 35]) связан с огромным количеством фольклорных текстов, в которых отражены представления о посмертном существовании души [15. С. 240–455]. Однако очевидно, что не все перечисленные в работах психологов «типичные сны» получают какое-либо толкование в традиции, а фольклорные сюжеты и мотивы снов (*culture pattern dreams*, как их определял Дж. С. Линкольн [24]) далеко не всегда универсальны. Именно интерпретация (осмысление приснившихся образов в соответствии с мифологическими представлениями и фольклорными толкованиями снов) делает рассказ о сновидении частью фольклора (что не раз отмечалось исследователями [10. С. 86; 15. С. 41–43]). Так, сюжет сна о хождении голым среди людей, описывавшийся начиная с работ З. Фрейда [18. С. 225–226; 25], является примером «типичного сна». При этом сон о хождении голым в церкви, осмысленный как предвестник вызова на допрос (житомир.) [19. С. 107], вполне можно назвать фольклорным текстом (ср. со

снотолкованиями «голым быть — позор, оговор», «церковь — арест, “казённый дом”»).

Другими словами, при создании указателя мотивов рассказов о пророческих снах важно учитывать не только сюжет сновидения, как это сделано в указателе Е. Ю. Живицы (например, «пчела больно ужалила», «ястреб поймал курицу» и т.д. [5. С. 59]), но и «предсказанные» события, с которыми рассказчик соотносит приснившееся. Так, правильнее было бы обозначить мотив не как «животное нападает на человека» [5. С. 59], а как «животное нападает на сновидца — после чего в реальности некто проявляет к нему агрессию (ругает, критикует, обвиняет, угрожает)», или «животное нападает на человека — в реальности он заболевает / получает травму», или «животное нападает на сновидицу — у нее появляется брачный партнер (некто сватается либо происходит знакомство с будущим женихом)». Если принять во внимание такое свойство мотива, как семантическая целостность (устойчивая, повторяющаяся не только форма, но и содержание), то истолковывающийся в соответствии с разной логикой фрагмент сюжета сна не является «мотивом». Получается, мотив пророческого сновидения имеет смысл описывать по принципу «деталь сюжета сна — реальное событие», что порождает новые теоретические сложности.

Вопрос об отличии указателя рассказов о вещих снах от сонников. Сюжеты вещих снов перекликаются с традиционными снотолкованиями: например, если существует формула «ловить руками рыбу — к рождению ребенка», то и рассказы о сбывшихся снах, включающие этот мотив, периодически встречаются. Будет ли в таком случае указатель мотивов пророческих сновидений отличаться от «устных» и книжных сонников? Многие исследователи исходили из предположения, что рассказ о сне — это обросшее деталями снотолкование («развернутая текстовая форма сновидческой приметы») [14. С. 314–328; 4. С. 109]. Составляя указатель в соответствии с принципом «онирический мотив — его символика», я исхожу из предпосылки, что между практикой толкования снов (выражающейся в рассказах о пророческих снах) и формульными снотолкованиями (если снится X — будет Y) нельзя поставить знак равенства. Соответственно указатель мотивов вещих снов не будет идентичен сонникам, несмотря на ряд совпадений с ними.

Чем же указатель будет отличаться от сонника? В соннике представлены прежде всего отдельные образы сна (например, «доски — к покойнику», «виши — к деньгам», «гора — к горю»),

тогда как в указателе выведены инвариантные структуры, обнаруживаемые в рассказах о вещих сновидениях.

Приведу один из наиболее ярких примеров инвариантной структуры рассказов о вещих снах, который уже многократно рассматривался мною ранее в статьях и диссертации [7. С. 145–166; 8]. При анализе группы рассказов о вещих снах выявляется закономерность, которую можно сформулировать так: «заметная часть отделяется от целого объекта — некто “отделяется” от коллектива». Под эту формулу подпадают как соответствующие традиционным снотолкованиям, так и оригинальные мотивы. Представим их описание в сжатом, унифицированном виде: в левой части — сюжет сна, в правой — его интерпретация, после каждого описания даны ссылки на полные тексты: «у сновидца выпадает зуб — умирает его родственник» [7. С. 146–151]; «у сновидицы отрезают палец — умирает ее мать» (ульянов.) [17. С. 147–148]; «у сновидицы отваливается нога — умирает ее отец» (ульянов.) [15. С. 490–491]; «от ботинка сновидицы отваливается подошва — умирает ее ребенок» (житомир.) [19. С. 121]; «в доме сновидца разрушается стена или угол — умирает член его семьи» [7. С. 80–84]; «от стен дома сновидицы отваливается глина — погибает ее племянница» (ульянов.) [15. С. 487]; «сновидица срывает плод с яблони в своем саду — умирает ее дочь» (житомир.) [19. С. 130–131]; «на яблоне (в саду у родственников) созрели плоды (которые вот-вот сорвутся, упадут) — умирают родственники сновидицы» [7. С. 96–97]. Варьируют не только образы сна (объект и его часть, способ отделения части от объекта и т.д.), но и их толкование — родственник сновидца не всегда умирает (классическая реализация этой схемы), речь может идти о расставании с близким человеком, обусловленным разными ситуациями: «у сновидицы выпадает зуб — ее близкого человека забирают в солдаты» (житомир.) [19. С. 112], «в доме сновидицы разрушилась крыша — ее сын попал в тюрьму» (твер.) [9. № 25], «у сновидицы отсутствует нижняя половина тела — она разводится с мужем» [12. С. 391]; «сновидица отрезает руку своей дочери — дочь сновидицы выходит замуж и покидает родительский дом» (полтав.) [7. С. 160]. Именно в контексте общего инварианта будет высветливаться типичность и «фольклорность» на первый взгляд совершенно разных сюжетов.

Приведу еще несколько выразительных примеров инвариантных структур, по-разному реализующихся в сюжетах снов. В ряде текстов присутствует следующий мотив: «во сне реальный человек выглядит меньше по размеру (росту), чем он есть в действительности, — наяву

у этого человека происходит что-то плохое». При этом в одних сюжетах речь идет о видении реального человека карликом, в других он «уменьшается» за счет перспективы (виден издалека — «маленьким»³), в третьих речь идет о видении взрослого человека в детском возрасте (маленьким ребенком). Прогнозы таких снов также варьируют (смерть, болезнь, проблемы: неудачи, потеря работы), при этом логика связи между сюжетом сна и событиями жизни всегда сохраняется. Показательно, что Е. М. Белецкая, приводя рассказ о сне с таким толкованием (видение взрослого сына «маленьким» мать интерпретирует как предвестие его неудач), ошибочно относит его к числу индивидуальных примет [2. С. 127]. Это снова указывает на необходимость создания указателя, который поможет исследователям легко находить параллели к своим записям.

Большое количество вариаций имеет мотив ухода реального человека: некто знакомый говорит сновидцу «прощай!», машет рукой, просит прощения, собирает свои вещи в узелок или чемодан, одевается «на выход», надевает сапоги, сообщает о покупке нового дома («длинного», «пустого», «без окон и дверей»), отъезде в другую страну, едет в телеге, трамвае, машине, плывет на лодке, улетает на деревянном самолете, идет в сопровождении кого-то из умерших (или любого иномирного персонажа⁴), удаляется от сновидца, пропадает, не отвечая на его зов, и т. д. Всё это обычно трактуется как предвестие смерти, отбытия на тот свет приснившегося человека (реже — болезни). При этом в некоторых текстах подобные мотивы связываются с расставанием сновидца с тем, кто приснился «уходящим» (Ленинград, полтав.) [9. № 33; 6. С. 152].

Иными словами, под мотивом мною будет пониматься повторяющаяся в разных текстах инвариантная структура, обладающая устойчивой семантикой. В основе онирического мотива чаще всего лежит описание метаморфозы чего-то реального: добавление к привычному образу действительности новых свойств (например, знакомый человек «маленький», «удаленный», «размытый», реальный предмет расколот на части), символов (появление насекомых, ям, новых построек в домашнем локусе), осмысление действий реальных людей (родственник прощается со сновидцем, уезжает на трамвае, собирает вещи) или действий, совершенных в отношении реальных людей или объектов (дом сновидца разрушают, некто собирается отрезать сновидице палец). Это и неудивительно, ведь в большинстве случаев человек видит во сне знакомую обстановку, людей, объекты, а определенные искажения «реальности» — нечто необычное, парадоксальное (а не символы, взятые сами

по себе) часто становятся объектом интерпретации. Именно от этой особенности текстов (а не от персонажей и образов, встречающихся в рассказах о снах) я отталкиваюсь при составлении указателя.

Разработка указателя предполагает выявление инвариантов (подобных описанным выше), лежащих в основе рассказов о вещих снах, и их типологизацию. Выделенные и представленные в указателе инвариантные формы мотивов (по А. Дандесу — мотивемы [21. С. 101–102]) можно рассматривать как интерпретационные модели, поскольку они также выступают и в качестве образцов для описания и толкования других снов. Таким образом, выявляя и описывая мотивы вещих снов, мы, с одной стороны, систематизируем эти тексты, разрабатываем инструментарий, позволяющий легко ориентироваться в собранном массиве записей (что позволит создавать сборники и электронные базы данных, проводить кросс-культурные исследования фольклорных рассказов о снах, выявлять локально специфичные мотивы, находить параллели между образностью и сюжетикой других жанров и фольклорными рассказами о снах и т. д.). С другой стороны, зная эти модели, мы способны сами конструировать рассказы о вещих снах, которые будут соответствовать традиционной логике осмысления сновидений. Например, сделаем инверсию описанной ранее модели («от объекта отделяется заметная часть — некто “отделяется” от коллектива»), получится: «приращение заметной части к объекту — увеличение (воссоединение) коллектива». Соответственно если утрата части тела обычно соотносится со смертью близкого, то явление новой может ассоциироваться с рождением родственника (и такие тексты встречаются: см. рассказ, в котором выросший у сновидицы зуб осмысляется как предвестие рождения родственника [11. С. 300]). Иными словами, указатель позволит выявить и наглядно представить, как эти тексты генерируются, как устроена «грамматика» языка пророческих снов.

Примечания

¹ Говоря о них, я в первую очередь буду иметь в виду рассказы о снах, в индикаторной форме «предсказывающих» будущие события.

² Ср. название параграфа в [14. С. 276].

³ В последнем случае можно говорить о валентности мотива «уменьшения» и мотива ухода на тот свет (о нем будет сказано ниже), который также связан с удаленностью, исчезновением вдалеке («как в тумане») реального человека. Ср. с рассказами о метаморфозах внешнего вида недавно умершего человека во сне, опубликованных в этом же номере журнала Е. А. Красновой (текст № 1).

⁴ См. рассказы об иномирных сновидениях с подобным сюжетом [15. С. 287–306].

Литература

1. Анцибор Д. В. Парадигма ониричного фольклору: Дис. ... канд. филол. наук / Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Київ, 2015.
2. Белецкая Е. М. Сны в словесной картине мира // Русская антропологическая школа: Труды. Вып. 5. М., 2008. С. 124–144.
3. Берестнев Г. И. О новом корпусном словаре сновидений // Слово.ру: балтийский акцент. 2013. № 2. С. 35–43.
4. Гура А. В. Сонник: [Из словаря «Славянские древности»] // Славяноведение. 2007. № 6. С. 108–114.
5. Живица Е. Ю. Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): Дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2004.
6. Лазарева А. А. Символика дерева в сновидениях // Традиционная культура. 2017. № 4 (68). С. 145–158.
7. Лазарева А. А. Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: Дис. ... канд. филол. наук / ИМЛИ РАН. М., 2018.
8. Лазарева А. А. Соотношение уникального и типичного в рассказах о вещих сновидениях // Уникальное и типичное в славянском фольклоре / Сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров, Н. С. Петрова, О. В. Белова. М., 2019. С. 158–178.
9. Лурье М. Л., Черешня А. В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М. Л. Лурье. СПб., 2000. С. 275–310.
10. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001.
11. Разумова И. А. Ониромантическая символика брака, рождения, смерти в современных устных рассказах // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 290–309.
12. Разумова И. А. Мифологические рассказы о вещих снах в контексте семейного опыта // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. С. 382–393.
13. Рабинович Е. И. Сны Пробужденных: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета. Екатеринбург, 2013.
14. Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста: Дис. ... д-ра филол. наук / СПбГУ. СПб., 2004.
15. Сафронов Е. В. Сновидения в традиционной культуре: Исследование и тексты. М., 2016.
16. Ставицька Я. В. Усний снотлумачний наратив: контекстно-функціональний аспект: Дис. ... канд. филол. наук / Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського. Київ, 2018.
17. Трушкина Н. Ю. Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 143–170.
18. Фрейд З. Толкование сновидений. СПб., 2012.

19. Шевчук Т. М., Ставицька Я. В. Українська усна снотлумачна традиція початку XX ст. (Розвідки і тексти). Київ, 2017.
20. Domhoff G. W. The Hall/Van de Castle system of content analysis // Domhoff G. W. Finding meaning in dreams: A quantitative approach. New York, 1996. P. 9–37.
21. Dundes A. From etic to emic units in the structural study of folktales // The Journal of American Folklore. Vol. 75. № 296. 1962. P. 95–105.
22. Griffith R. M., Miyagi O., Tago A. The universality of typical dreams: Japanese vs. Ame-

- ricans // American Anthropologist. Vol. 60. № 6. 1958. P. 1173–1174.
23. Jason H. Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing. Helsinki, 2000. (FF Communications; 273).
24. Lincoln J. S. The dream in primitive cultures. London, 1935.
25. Saul L. J. Embarrassment dreams of nakedness // International Journal of Psychoanalysis. Vol. 47. 1966. P. 552–558.

26. Schredl M., Ciric P., Gotz S., Wittmann L. Typical dreams: Stability and gender differences // The Journal of Psychology. Vol. 138. № 6. 2004. P. 488, № 18.

Работа выполнена в рамках проекта «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)», поддержанного грантом РГГУ (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Владислава Алексеевна Кишкина,
Ольга Васильевна Мещерякова,
Екатерина Александровна Краснова,
студентки Российского гос. гуманитарного ун-та (Москва)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЮЖЕТНО-МОТИВНОГО УКАЗАТЕЛЯ РАССКАЗОВ О СНАХ

РАССКАЗЫ О ВЕЩИХ СНАХ

Почти никогда не помню свой сон, поэтому никогда особо не задумывалась над их смыслом. Но когда-то давным-давно, в мою первую беременность, мне приснился вот какой сон. Так как в свою первую беременность я сильно переживала, как она пройдет, всё ли будет в порядке с ребёнком. Из-за проблем со здоровьем долго не получалось забеременеть, лежала на сохранении. Как раз в больнице встретилась со своей знакомой, она и не знала о моей беременности. И вот в ту же ночь снится мне сон, что у меня сильно болит живот и начинаются как будто схватки, я говорю сама себе: «Ничего плохого не случится, не случится». А рядом сидит эта знакомая и проговаривает: «Случится-случится». Тут во сне происходит выкидыш, и я в крике просыпаюсь. Через несколько дней узнаю, что у меня замершая беременность. [И вы это связали со сном?] Ну да. Даже поверила во всякие вещие сны. Такое неприятное чувство после всего этого, что вроде как предупреждение было, а я не обратила внимание. Не знаю, может, как-то интуиция во время беременности обостряется... Теперь уже и боюсь, вдруг снова какая-то гадость приснится... [2].

Я беременна, и, как только узнала об этом, мне снилась дочь. То в годик, то в три годика. Я думала, что снится просто желаемое, причем все говорили мне, мол, если снится ребенок, пол будет противоположным, но недавно на УЗИ выяснилось, что действительно у меня будет дочь. Думаю, это были вещие сны.

[А что вы чувствовали во сне? Это был радостный сон?] Это были бытовые сны, я либо гуляла, либо варила дочке суп. И чувствовалось... Что всё как нужно. Что всё так, как и должно быть. Как будто кадры из будущей жизни. [Ясно, спасибо вам боль-

шое. А вы верили, когда вам говорили, что это мальчик? Или все же были уверены, что девочка?] Ну, сначала была уверена в своих снах, потом начала сомневаться уже, а когда врач сказала: «О, вижу пирожок», — прям облегчение такое было. Но надеялась до последнего [3].

Как-то раз мне приснилось, что я гуляю по парку со своей подружкой. Идем мы, болтаем о том о сем, и в какой-то момент я понимаю, что вижу свой беременный живот. И я вроде бы удивилась, но быстро об этом забыла, и мы продолжили прогулку с подружкой. А на следующий день мне мой друг признается в любви, вот так вот. [И ты решила, что это был вещий сон?] Ага, я после этого еще в Интернете поискала значение, и вот на каком-то форуме, уже не вспомню, на каком именно, это как раз примерно так и толковалось и несколько девушек написало свои такие случаи [9].

Помнишь одну женщину из нашего дома? <...> Мне приснилось, что мы с ней прятались от какого-то чудовища типа медведя в люке на нашей детской площадке, но её он вытащил и сожрал, и она через несколько дней из окна выпала. Мне потом долго не по себе было. Вот как так, не знаю, мы с ней уже тогда и не общались [6].

Я этот сон никогда не забуду... Вот, слушай-ка, когда я училась в девятом десятом классе, я дружила с одним мальчишкой. И потом его, значит, взяли в армию, он попал в морфлот, потом там он кончил училище, потом академию, потом он стал капитаном подводной лодки. И вот мне приснился сон. Мне приснился он — я вот уже здесь, в Канаше, жила, уже много лет прошло — [приснилось] как будто он утонул! Я даже и не знала, что он на подводной лодке или где ли... я не знала. Мы же рас-

стались, ну, в смысле, школа кончилась, разлетелись, и я даже и не знала, где, чего он. И вот мне приснился сон, что он утонул в канализационном колодце! А я сняла рубашку ночную свою, разорвала, сделала из неё верёвку и ему туда подала — и вытащила я его оттуда. Вот это я никогда не забуду. А он мне говорит: «Ты зачем меня вытащила?! Ты ж, — говорит, — меня бросила сама». И всё. На этом сон мой кончился. И через какое-то время я приезжаю домой, в деревню туда, в Долгоруково, и встречаюсь с его одноклассником. Мы в годах уже. И он мне начал рассказывать про него: «Вот, — говорит, — с которым ты дружила парнем... Вот чё с ним случилось... На их лодку кто-то там напал, может, около какой-то границы и чуть-чуть они, — говорит, — не погибли». И у меня этот сон в голову сразу! Я ему говорю: я ведь какой сон про него видела — что он утонул, а я его вытащила! «Во-от, — говорит он мне, смеётся, — во-о-от как это получается!» Я говорю: «Надо [же]...» Я этот сон, Катенька, никогда не забуду. «Это, — говорит [его одноклассник], — ты его теперь спасла, вытащила» [10].

Снится инвалидная коляска перед экзаменами, вроде как это к успеху [ответ в онлайн-анкете на вопрос: «Опишите, пожалуйста, сюжет самого запомнившегося сна, который вы соотнесли с реальными событиями»].

[Вы писали, что вам снилась инвалидная коляска и это к успеху, вы это толкование из Интернета узнали или кто-то рассказывал?] Да, я читала в онлайн-соннике, что вставать с инвалидной коляски во сне — к успеху. В реальной жизни я не имею трудностей с передвижением и не использую коляску. [А экзамен после этого сна успешно сдали?] Да. [То есть вы во сне вставали с инвалидной коляски?] Да, немного поехала, потом встала.

[А можете этот сон подробнее пересказать?] Есть в нашем городе подземный переход на железнодорожную платформу. Темный, сырой, с неудобными лестницами даже для ходящего человека. С ассистивными технологиями туго, пандусы есть не везде, а если есть, то в большинстве своем похожи на американские горки. Я думаю, оказаться на коляске в таком переходе было бы очень дискомфортно, но я передвигалась во сне на коляске и чувствовала себя асом в подобного рода перемещениях.